Введение Исследования феномена памяти до сих пор не дают конкретного ответа на вопрос – что такое «память». Свойство ли это бытия или только материи, только живого вещества или только человека, или она вообще относится к сфере духа? Сегодня она представляется исследователям неким «мозаичным объектом», присутствующим и в материальном, и в идеальном планах бытия. Отсюда огромное разнообразие попыток ее исследовать не только в философии, но и в других науках, причем принадлежащих к разным отраслям. Насколько важно человечеству знать, что есть «память»? На этот вопрос нам представляется важнейшим следующий ответ – не исключено, что именно разгадка сущности человеческой памяти поможет получить знание о сущности сознания и о фундаментальной связи материи и сознания [1], т.е. об основах бытия. Важно и то, что изучение человеческой памяти приближает нас к пониманию сущности человека. Насколько необходимо особое направление исследований памяти – философия человеческой памяти? Идею о необходимости его создания высказал в 2003 г. А.И. Субетто, по мнению которого философия памяти «еще не создана, хотя потребность в ней высока, потому что без нее нам не осознать адекватно сущность нашего бытия, процессы в нем происходящие, закономерности, которые ими управляют» [2]. Мы считаем, что без формирования философии человеческой памяти достижение истины будет еще долго затруднено. В буквальном смысле по-гречески «наука о памяти» – мнемология. Впервые это название появилось в 1971 году в СССР – как название науки о памяти кибернетических систем, к которым относили и машины, и живые организмы (в том числе человека), и общество [3]. Мнемологию исследователи попытались «встроить» в кибернетику в виде составной части, а проявления памяти оказались настолько разноплановы, что в то время в рамках этой науки был сделан вывод о памяти как о свойстве кибернетических систем – живых и неживых. Название не прижилось и не распространилось. Собственно, и кибернетика не стала в нашей стране ведущей наукой, к чему были предпосылки. С нашей точки зрения философия памяти должна называться «антропосоциальная мнемология», т.к. память в истинном значении слова свойственна только сфере жизни – здесь мы полностью согласны с Н.Н. Моисеевым [4] – а значит, в первую очередь – человеку. Этимологический анализ понятия «память», сделанный П.А. Флоренским, показывает, что сам человеческий язык, как система, основанная на памяти, в первую очередь свидетельствует об этом [5]. Для описания мнемических процессов за рамками антропосоциальной реальности существуют другие понятия – напр.: «импринтинг», «след», «отражение» и т.д. Предыстория философии памяти В ходе ранее предпринятого анализа исторических предпосылок формирования философии памяти и ее онтологических оснований [6] мы пришли к следующим выводам. Благодаря Платону и Аристотелю сложились два основных подхода к изучению человеческой памяти. Их можно охарактеризовать как парадигмы

трансцендентности памяти, ее независимости от своего «носителя» вечной души – человека (Платон), и имманентности памяти, ее эпифеноменального характера по отношению к сознанию, шире – к психике («восковая дощечка» у Аристотеля). Парадигма трансцендентности распространена в религиозной философии (напр. А. Августин), особенно в русской религиозной философии, этике, отчасти – в культурологии (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Л.П. Карсавин, В.С. Соловьев, Н.Ф. Федоров, П.А. Флоренский и др.). А парадигма имманентности памяти, ее эпифеноменального характера по отношению к сознанию была принята в европейской философии Нового времени и Просвещения, философии И. Канта, психологии, физиологии, марксистской философии – и стала господствующей в XVIII-XX вв. В свою очередь, Г.В.Ф. Гегель в определенном смысле осуществил «ренессанс» памяти, рассматривая (вслед за Августином Блаженным) своеобразную «амбивалентность памяти» [7]. В целом у Гегеля память важна для человека, но она подчинена тотальности разворачивания (самопознания) Абсолютного духа. Можно сделать вывод о формировании третьей парадигмы исследований памяти: гегелевский принцип тождества бытия и мышления фиксирует трансцендентно-имманентный характер памяти. В период XIX-XX вв. память буквально «забыли», поскольку «аристотелевская парадигма» вытеснила остальные две; а те выводы о сущности памяти, которые делались различными исследователями, подчас носили противоречивый характер. Чего стоит утверждение А. Бергсона о том, что существует «беспреданно изменяющееся напряжение памяти» [8], означающее, по нашему мнению, то, что память можно рассматривать как особый вид деятельности – мнемическую деятельность. Или можно отметить уникальный вывод Г.И. Челпанова, который отметил: «Память есть только слово для обозначения того, что в нас существуют отдельные воспоминаемые состояния. Можно было бы при помощи логических соображений сделать понятным, что существует не память, а памяти...» [9]. Вот такой своеобразный «номинализм». Но какие же философы ответственны за своеобразное «забывание» памяти? Чей авторитет не позволил феномену человеческой памяти стать предметом отдельного направления философских исследований? Авторитеты классической философии Авторитет трех философов – Р. Декарта, К. Гельвеция, И. Канта – поставил «заслон» философии памяти. Декарт, по нашему мнению, начал окончательное «превращение» памяти в эпифеномен сознания – в хранилище, «склад» информации, использующийся по мере надобности сознанием. Кроме того, за все последующее время никто не оспорил утверждение Декарта, ставшее лозунгом рационализма: «Я сомневаюсь, следовательно, я существую, или, что то же самое, Я мыслю, следовательно, я существую...» [10] с точки зрения человеческой памяти. Думается, что оспорить Декарта можно было гораздо раньше, но мы пробуем делать это только сейчас в двух основных аспектах. Аспект первый: начало знаменитой фразы Декарта «Я сомневаюсь...» обычно опускают – и совершенно напрасно. Слова «сомневаться»

и «сомнение» произошли от древнерусского слова «мнить», которое этимологически восходит к слову «память». Получается, что сомнение – акт, основанный на памяти: если человек сомневается – он помнит несколько вариантов, из которых может сделать выбор – отсюда и сомнение, которого не было бы при единственно возможном варианте. Отсюда «я сомневаюсь...» можно поменять на следующее: «Я помню, следовательно, я сомневаюсь...». Но если сомнение у Декарта является формой мысли, то можно предположить, что и воспоминание является формой мысли – если строго следовать Декартовой логике. И если деятельность разума равна деятельности памяти, то, по С.Л. Рубинштейну, вообще «невозможно рассматривать память и мышление как две порознь действующие «функции» [11]. И в итоге, как подсказывает логика, должно быть: «Я помню, следовательно, я сомневаюсь, следовательно, я существую, или, что то же самое, Я мыслю, следовательно, я существую», а если коротко, то «Я помню, следовательно, Я существую». Если вдруг найдутся возражения по поводу того, что Декарт писал на латыни, то можно провести его критику по второму аспекту. Он будет относиться к понятию «Я», которое используется Декартом в одной фразе несколько раз. Но разве «Я» – это не память, в первую очередь? И разве не на памяти основывается идентификация человека? Конечно, если считать, что все, что связано с самоидентификацией (например, воспоминания о собственном имени и фамилии), просто хранится в памяти, как записи «на восковой табличке», и лишь сознание целенаправленно отбирает необходимую информацию, то, у Декарта получается, что основа самоидентификации человека – его сознание. Но, по нашему мнению, это не так. Основа самоидентификации человека – память. Более того, не память является хранилищем для разума, а разум является инструментом памяти. Не «память – эпифеномен сознания», а «сознание – эпифеномен памяти». Декарт – великий провокатор – осуществил «подмену» смыслов, скорее всего, под влиянием Аристотеля. Не смог Декарт преодолеть его авторитет, иначе, мы считаем, он мог стать основателем не рационализма, а «мнемизма». А вот замечание И. Канта: «Низшие способности одни сами по себе не имеют никакой ценности, например, человек, обладающий хорошей памятью, но не умеющий рассуждать, — это просто живой лексикон. И такие вьючные ослы Парнаса тоже необходимы, потому что, если они сами и не в состоянии произвести ничего дельного, они все-таки добывают материалы, чтобы другие могли создать что-нибудь хорошее» [12]. Да! Получается, что у Канта «память» – просто «низшая способность»? Но к его аргументу можно привести контраргумент: а если представить человека с «хорошей памятью» и «умеющего рассуждать» – кто получится? Вектор сразу развернется в обратную сторону, и мы увидим, с нашей точки зрения, гениального человека. А в этом случае вспоминается К. Гельвеций (не его ли авторитет, в свою очередь, давит на Канта), отрицающий хорошую память у гения. Идеи Гельвеция о памяти следующие. Идея первая – «память

есть кладовая», в которой хранятся ощущения, идеи и факты, которые в различных сочетаниях образуют «то, что мы называем умом», без памяти не существует ума и опыта. Но ум является (почти целиком) продуктом способности быстро находить в памяти аналогии с предметом познания для получения истины, и чем быстрее найдена необходимая аналогия, тем живее ум. Идея вторая – большой ум не является продуктом большой памяти, и напротив, развитие большого ума исключает развитие большой памяти, ведь из истории известно, что гениальные люди не отличались исключительной памятью, отсюда «гений, следовательно, не является продуктом обширной памяти». Идея третья – чтобы стать великим (гениальным), человек должен не наполнять свою память неограниченным содержанием, а учиться пользоваться теми сведениями, какие сами по себе «падают» в память, поэтому великому человеку достаточно обыкновенной памяти [13]. В исследованиях памяти вышеуказанных философов, по нашему мнению, укрепилась парадигма имманентности – эпифеноменального характера памяти по отношению к сознанию. Но, например, представитель неклассической философии А. Шопенгауэр ставит вопрос по-другому: «Не зависит ли гениальность от совершенства живого воспоминания? Ибо благодаря лишь воспоминанию, связывающему отдельные события жизни в стройное целое, возможно более широкое и глубокое разумение жизни, чем то, которым обладают обыкновенные люди» [14]. Мы солидарны с Шопенгауэром и считаем – гениальность зависит от уровня «наполнения» памяти, хотя, конечно, это не единственный фактор, формирующий гениальность. Во второй половине XX века о памяти вспомнили в первую очередь советские философы, но в связи с гносеологией и анализом понятия «информация». Основным разработчиком понятия «социальная память» Я.К. Ребане предложил использовать понятие социальной памяти «как определенный вспомогательный философско-методологический принцип», способствующий интегративному подходу к исследованию социальной детерминации познания [15]. На этом фоне до сих пор материалистически ориентированными философами «память» понимается как свойство материи «отражать» саму себя [16]. Сегодня может сложиться представление, что проблема памяти «перекочевала» в культурологию, социологию, историческую науку [17] с приставками «культурная», «историческая», «культурно-историческая», «память нации» и т.п. Заключение Пришло время преодолеть господствующую парадигму даже не изучения, не исследования, а «парадигму убежденности» в том, что память – эпифеномен сознания. Пришло время «вернуть» человеческую память в сферу философских исследований, определив ее законное место – во главе всех феноменов, связанных с бытием антропосоциальной реальности.